

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФОРМ СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

УДК 159.9

ШВАЛЬ Ю.М.

зав. лабораторії екологічної психології Інституту психології імені Г.С.Костюка НАПН України, зав. кафедри психології соціальної роботи факультету психології КНУ ім. Т.Шевченка, доктор психол. наук, професор, м. Київ

В статье предложен новый подход к разработке теории сознания, где сознание рассматривается как функция жизни, а его формы как детерминанты жизнеобеспечения и жизнедеятельности, выделено четыре формы сознания, базирующиеся на общем принципе целесообразности.

Ключевые слова: *жизнь, жизнеобеспечение, сознание, формы и функции сознания, целесообразность*

ІСТОРИЧНИЙ РОЗВИТОК ФОРМ СВІДОМОСТІ: ТЕОРЕТИЧНА МОДЕЛЬ

У статті запропоновано новий підхід до розробки теорії свідомості, де свідомість розглядається як функція життя, а його форми як детермінанти життєзабезпечення та життєдіяльності, виокремлено чотири форми свідомості, які ґрунтуються на загальному принципі доцільності.

Ключові слова: *життя, життєзабезпечення, свідомість, форми і функції свідомості, доцільність*

Проблематика сознания является ключевой для любой психологической теории и практики, однако продуктивных теоретических моделей на сегодняшний день сложилось крайне мало. Одну из основных методологических причин такой ситуации обосновал В.П.Зинченко, указав на то, что в любом психологическом исследовании мы находимся как бы внутри сознания, что делает невозможным видение сознания в целом. Поэтому на методологическом уровне сознание «привязывается» к различным внешним рамкам: поведению, деятельности, культуре, языку, нейрофизиологии и т.д.

Возникновение экологической психологии и развитие экопсихологического подхода привело к осознанию того факта, что исследование психологических функций и процессов должно осуществляться в системе неразрывной связи человека с окружающей средой. Единицей такого системного анализа на конкретно-психологическом уровне становится отношение «человек – окружающая среда», а на методологическом уровне – «Человек – Мир». Мы предположили, что это отношение реализуется как особый процесс, который определяется через категорию «Жизнь». Нам представляется, что категория жизни может выступить той предельной рамкой, в которой в полном объеме

проявляется сознание как особый психологический процесс и феномен.

Цель данной статьи заключается в разработке теории сознания как исторически изменяющейся формы психологического обеспечения жизни и жизнедеятельности.

I. Внешняя рамка:

1. Сознание возникает и осуществляется как функция жизни, обеспечивая дифференцированность жизнедеятельности.

2. Развитие сознания происходит как последовательное накопление дифференциальных признаков и усложнение параметров оценки степени проявленности признака.

3. Исходным дифференциальным признаком является различие «внешнее – внутреннее».

4. Каждая дифференцировка открывает возможность последующей дифференцировки каждого признака. Сознание, т.о., является потенциально бесконечной возможностью усиления степени дифференцированности жизнедеятельности.

5. Каждая дифференцировка «порождает» новую грань Мира и тем самым, усиливает способность к его психическому отражению и познанию.

6. Самым «сильным» инструментом дифференцировки явилось (и является) изобретение различных знаково-символических средств (от самого простого означкования до самых сложных методов моделирования, схематизации, метафоризации и символизации), т.к. автоматически осуществляется удваивание предметности.

Указанные соображения могут быть «собраны» в одну базовую схему (см. рис. 1).

II. Базовые характеристики:

1. Сознание является инстанцией, отражающей мир и, одновременно, порождающей мир. Отражение и порождение являются двумя основными функциями сознания, или отношениями, связывающими сознание человека и мир.

2. Сознание есть некая целостность, но не как «пустое» пространство, которое по мере жизни человека заполняется идеями, знаниями, представлениями, образами, переживаниями и т.п. Сознание есть внутренне дифференцированная, структурно и композиционно оформленная целостность имманентных процессов.

3. Каждый процесс сознания должен быть продуктивным, причем, эта продуктивность должна быть непосредственно открытой самому сознанию.

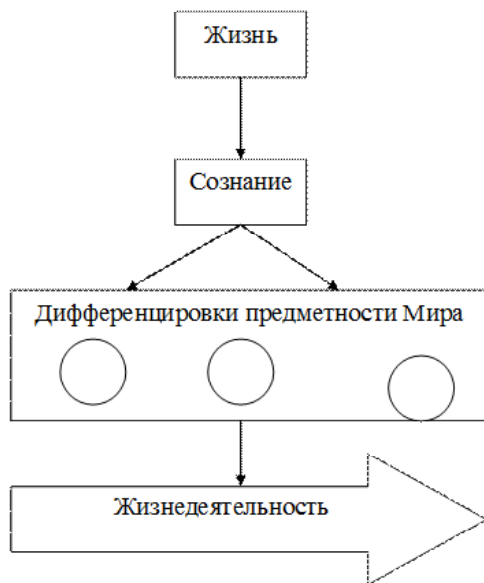

Рис. 1. Функциональное место сознания в общей системе Жизни// Деятельности

4. Структурные элементы должны быть таковыми, чтобы они могли образовывать различные композиционные организованности.

5. Композиционные организованности должны обладать возможностью потенциально бесконечного изменения как в сторону усложнения содержания сознания, так и его опрощения.

6. Процессный характер организованности сознания определяет ее имманентную интенциональность.

7. Целостность сознания, связность процессов и содержания обеспечивается неким внутренним механизмом, который гипотетически можно определить как «переживание существования».

Структурно-функциональные характеристики сознания представлены на рис.2.

III. Проявленность сознания, тот есть его доступность для наблюдения может быть рассмотрена в двух планах – внешнем и внутреннем.

1. Для внешнего наблюдателя сознание открывается в двух основных формах. Во-первых, как факт осуществления разных действий в одинаковых условиях и обстоятельствах, что означа-

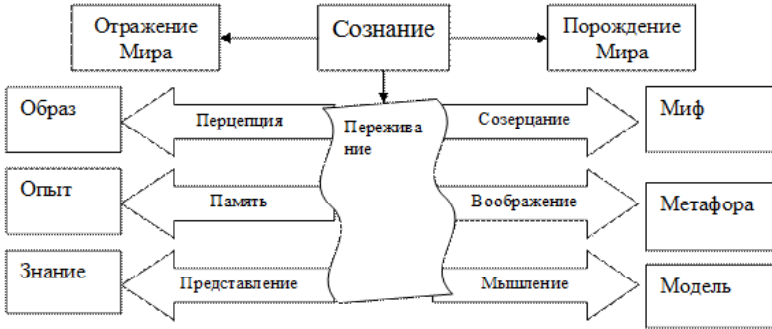

Рис. 2. Функционально-процессуальная модель сознания

ет детерминированность действия не предметной составляющей жизненной ситуации, а различиями в дифференцировке этих обстоятельств, то есть сознанием. Во-вторых, как факт создания произведения, что означает создание новой реальности на основании осознаваемого замысла. Внешние проявления сознания имеют наглядно-действенный характер и могут фиксироваться в знаково-предметных формах как продукты сознания, которые могут непосредственно, демонстрироваться и передаваться другим людям.

2. Для внутреннего наблюдателя, то есть для самосознания, сознание открывается, во-первых, как переживание факта понимания, что означает возможность множественной интерпретации и переинтерпретации одних и тех же предметностей, во-вторых, как факт фиксации психических содержаний сознания в знаковых средствах (в широком понимании термина «знак»). Это означает наличие тройственной структуры любого содержания сознания «Я – предметность – знак». (Сознание не просто фиксирует некую предметность, а себя самого в знаковом отношении к этой предметности. «Стол» не является еще содержанием сознания. Развернутая речевая формула будет выглядеть примерно так: «Я знаю, что то, что я вижу – это стол». Но во внутренней речи, как показал Л.С.Выготский, она свертывается до самоочевидного: «Это – стол»). В силу образно-метафорического характера внутренней проявленности сознания, его продукты фиксируются в знаково-символических формах, которые могут только транслироваться и воспроизводиться.

IV. Формы сознания.

Любая дифференцировка является актом установления границы, то есть придания формы чему-либо. Поэтому сознание

является формообразующим началом жизни, Логосом жизни, который превращает Жизнь в Жизнедеятельность. Установление сознанием границ жизни означает и установление границ самого сознания: возникающая форма жизни становится формой сознания. Конгруэнтность форм жизни и форм сознания фиксируется в устойчивых конструктах «образа жизни». Образ жизни – это устойчивые и воспроизводящиеся схемы организации жизнедеятельности в системе фиксированных условий и обстоятельств жизни.

Историческое изменение фиксированных в сознании обстоятельств жизни и схем организации деятельности приводит к изменениям форм сознания.

На уровне Жизнедеятельности общая интенциональность сознания обретает целевую форму, то есть начинает выполнять функцию высшей регуляторной инстанции, направленной на постоянное решение задачи на целесообразность любого действия. Целесообразность устанавливает соотношение значимости цели и цены затрат на ее достижение, что предполагает на уровне сознания различия (дифференцировки) значения и ценности как самостоятельных конструктов. Это означает, что одна и та же предметность должна быть «взята» сознанием дважды: как фиксация ее функционального места в структуре деятельности (как предмет и материал действия, как средство или как операционное условие действия) и как фиксация ее места в системе жизненных отношений (как возможный результат, как ресурс или как обстоятельство).

Основания такого различия лежат в самой жизнедеятельности и, с нашей точки зрения, таким базовым основанием является дихотомия «стабильность – изменчивость». В любой жизненной ситуации любое наше действие может быть направлено либо на сохранение самой ситуации, либо на ее изменение.

Принятие идеи сохранения, стабильности, неизменности как ценности приводит к формированию традиционно ориентированного образа жизни. Любое изменение воспринимается как разрушение, и вырабатываются особые механизмы сознания и деятельности, обеспечивающие защиту от изменений и воспроизведение // трансляцию наличной ситуации.

Принятие идеи изменения и развития как ценности приводит к формированию динамически ориентированного образа жизни. Любое сохранение рассматривается как стагнация, и вырабатываются особые механизмы сознания и деятельности, обеспечивающие реализуемость инноваций и бесконечно расширяющееся воспроизводство качественно-количественных показателей жизнедеятельности.

В психологическом плане эта дихотомия представлена двумя полярными шкалами. Во-первых, это шкала «заданность – свобода». Поллюс заданности означает детерминированность действия внешними или внутренними обстоятельствами, а полюс свободы означает необходимость выбора неизвестных альтернатив и принятие решение, то есть осуществление акта целеполагания. Во-вторых, это оценочная шкала степени рисковости предстоящего действия, один полюс которой образует риск как опасность, а другой полюс – безопасность, как защищенность от негативных последствий действия. Эти шкалы являются ортогональными и взаимодополнительными, а их пересечение и создает пространство типологизации форм сознания (см. рис. 3).

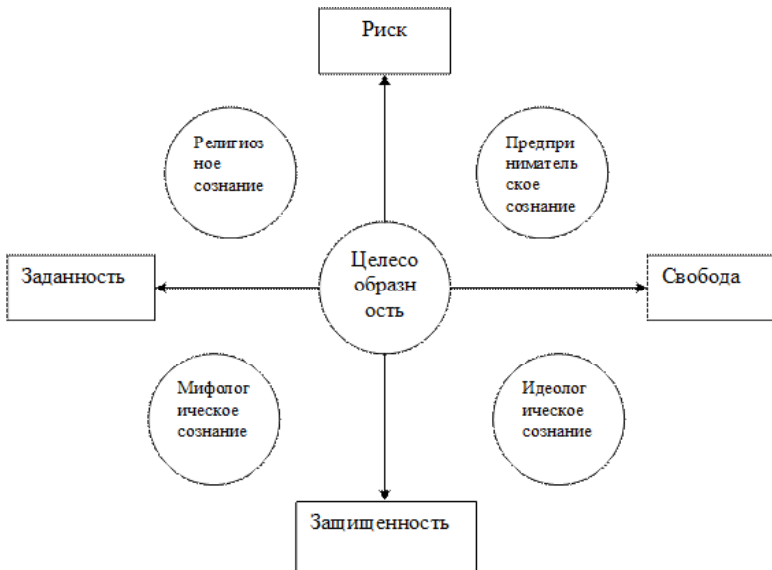

Рис. 3. Типология форм сознания

Мифологическое сознание обеспечивает жизнедеятельность как потенциально бесконечное циклическое воспроизведение одних и тех же ситуаций и успешных действий в них. Успешность действия становится гарантией защищенности только при условии неизменности самой ситуации, поэтому мифологическое сознание «работает» в двух плоскостях:

1) Максимально точное воспроизводство ситуации, что обеспечивается особым способом социальной нормировки – табуированием изменений. При этом надо учитывать, что воспроизведение ситуации обязательно предполагает коллективный характер действия, так как сама ситуация складывается не столько из

предметных условий, сколько из позиционных взаимодействий участников. Поэтому все участники должны одинаковым образом видеть ситуацию и принимать как должное необходимость ее воспроизведения. Мифологическое сознание коллективно по своему существу.

2) Максимально точное воспроизведение способа действия, что обеспечивается особым типом культурной нормировки – созданием необсуждаемого образца способа действия. Необсуждаемость образца действия достигается за счет его приписывания некоему абсолютному авторитету (божеству, праотцу, герою, эксперту и т.п.). Индивидуальное сознание, безоговорочно принимающее образец способа действия, становится абсолютно защищенным и пред-заданным, то есть не-субъектным в том смысле, что даже не ставится вопрос: «Почему я должен поступать именно так?», – потому, что ответ очевиден: «Потому, что так правильно». Переживание правильности всего происходящего, всей жизни и деятельности является ключевой, «связующей», системообразующей точкой мифологического сознания. А все что «не правильно» – должно быть исправлено или уничтожено.

Религиозное сознание обеспечивает жизнедеятельность как реальность циклически воспроизводимых одних и тех же успешных действий в неизведанно закономерной изменчивости ситуаций. Идея правильности переносится с действия на сам Мир, но так как правильность предполагает наличие субъекта, который ее устанавливает, то ведущей становится идея наличия над- и вне-личностного субъекта – Бога. Идея Бога удваивает само сознание, утверждая его частичность и ограниченность на уровне любого конкретного индивида и его безграничность на уровне Творца.

Отсюда вытекает два принципиально важных следствия. Во-первых, сознание обретает рефлексивность – любое познавательное действие имеет смысл только тогда, когда оно приближает индивида к постижению замысла (или промысла) Божьего. Иными словами, когда предметом познания становится универсум сознания (по-видимому, только в этих рамках и появляется то, что в философии называется «чистое мышление»). Во-вторых, сознание становится диалогичным, то есть способным задавать вопросы самому себе и отвечать на них так, будто оно не равно самому себе, то есть отвечать не банальной тавтологией. Все базовые идеи (содержания) сознания удваиваются: ценности, смыслы, замыслы и т.д. получают своего абсолютного двойника – высшие ценности, высшие смыслы, высшие замыслы и т.д.

Это означает, что любое решение может опираться как на выс-

шую идею (духовное), так и на низшую идею (обыденное): цель как идеальное задана извне, а выбор основания и принятие решения становятся внутренней проблемой индивидуального сознания. Сознание становится этическим и драматичным. Возникает особая проблемность, которая осмысливается как «тайна» – высшее всегда закрыто, поэтому таинственно¹. Сознание само становится тайной.

Утверждение наличия высшего абсолютного субъекта делает жизнь каждого индивида упорядоченной извне, то есть предзаданной, а принципиальное незнание этого порядка делает индивида незащищенным от изменений. Эта незащищенность от изменений наполняет жизнь риском, то есть случайными, непредсказуемыми опасностями, которые несут угрозу самому существованию индивида. Кроме того всегда существует риск принятия неправильного решения и соответственно, опасности негативных последствий. Противостояние этим опасностям становится индивидуальной проблемой и, соответственно, требует особых способностей для ее решения. Эти способности сознания можно определить как способность к прогнозированию последствий осуществляемых действий² и развернутого планирования систем деятельности.

Противоречие между верой в высшую правильность и упорядоченность жизни и необходимостью принимать решения на уровне собственной обыденной жизни вызывает острую напряженность сознания, которая разрешается в идее справедливости. Переживание справедливости является системообразующим для религиозного сознания.

Предпринимательское сознание обеспечивает жизнедеятельность как последовательную цепь достигаемых целей. Успешность жизни приравнивается к успешности деятельности и, наоборот, успешность деятельности становится символом успешно прожитой жизни.

Целеполагание становится ведущей психологической функцией сознания, а жизнь, соответственно, становится результативной. Цели и результаты становятся несовпадающими реально-

¹Поэтому всегда возникает «проводник», которому открывается высшее. На социокультурном уровне такой проводник может институционализироваться, вплоть до того, что начинает играть ведущую роль в организации и управлении жизнедеятельностью общества.

²В отличие от общей антиципирующей способности психики, которая направлена отражение повторяющихся изменений в предметных условиях осуществления действия.

стями³, что и создает напряженность самого сознания.

Бесконечность целей и непрогнозируемость, непредсказуемость результатов делает сознание драматичным и комичным одновременно⁴. Точно также раздваивается и сознание причинности мира и жизнедеятельности: переживание собственной субъектности (целеустремленности, силы воли, способностей и т.п.) в современной психологии фиксируется как интернальный локус контроля, а признание силы обстоятельств – как экстернальный.

Основанием целеполагания становятся личные желания и интересы – сознание становится личностным, а человек начинает определять самого себя как личность. Личностный характер сознания означает, что психологические детерминанты жизнедеятельности индивид ищет не во внешних формах организации жизни (социальных или культурных предписаниях), а в собственном «образе Я» и в тех идентичностях, которые он принимает (или отвергает) как ценность⁵. В частности, ценными становятся любовь к знаниям (любопытность) и пытливість ума (любопытство), которые изнутри толкают человека к сверхнормативной активности.

Свобода как возможность самостоятельной постановки новых целей деятельности тесно связана, с одной стороны, с многообразием сфер жизнедеятельности и, с другой стороны, с переживанием зависимости от внешних обстоятельств. В рамках предпринимательского сознания это противоречие разрешается двумя основными способами, которые сами по себе являются противоречивыми и несовместимыми.

Во-первых, через принятие постулата о принципиальной закономерности существования внешнего (по отношению к самому сознанию) мира и ее рациональной познаваемости – знание законов изменения внешнего мира как совокупности условий и обстоятельств действия становится гарантией получения нужного результата. Психологическим инструментом реализации этого постулата сознания является научное мышление и научное исследование как форма его практической реализации. Мир становится предметно-закономерным, а научное мышление – сверхценностью.

³Классическим примером такого разрыва является известное высказывание А.С.Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда»

⁴Мы используем понятия трагического, драматического и комического в трактовке С.Л.Рубинштейна.

⁵Этическая проблематика трансформируется в проблему личной морали и моральных качеств личности, но это особый вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Во-вторых, через принятие постулата о наличии случайности в закономерности существования внешнего мира и ее иррациональной познаваемости – личная способность к предугаданию изменения внешнего мира как совокупности условий и обстоятельств действия становится гарантией получения нужного результата. Психологическим инструментом реализации этого постулата сознания является интуитивное постижение. Интуиция становится сверх-ценностью практического предпринимательского мышления.

На уровне обыденной жизни возникает особый конструкт сознания, который позволяет соединять обе эти сверх-ценности в любой практической деятельности. Таким конструктом является идея «мастерства». Мастерство соединяет особые знания и умения с некоей индивидуальной тайной, секретом, что делает каждый продукт деятельности уникальным и неповторимым произведением. В рамках этого типа сознания добиться подлинного успеха можно только став Мастером, а подлинный успех и заключается в том, чтобы стать Мастером. «Мастер» – высшая точка достижения и самореализации личности в этом образе жизни.

Системообразующим конструктом предпринимательского сознания, который создает внутреннюю целостность этих чрезвычайно разнородных и разнообразных компонентов, является, на наш взгляд, конструкт-переживание «счастье». Идея счастья соединяет в единое переживание идею сверх-ценности индивидуальных способностей (мышления, воли и т.п.) и идею такой же сверх-ценности удачи (интуиции, стечения обстоятельств, «везучести» и т.п.). Предпринимательское сознание одновременно и научно, и суеверно.

Идеологическое сознание обеспечивает жизнедеятельность как бесконечную экспансию человека по отношению к внешнему природно-предметному миру за счет бесконечного усиления технических средств деятельности. В сознании жестко устанавливается идея, что соотношение цели и результата определяется характером средств и, соответственно, бесконечной цикличности триады «цель – средство – результат»: каждая цель определяется качеством используемых средств, а каждый результат является только средством достижения новых целей. Жизнь определяется как совокупность деятельностей, а сознание становится прагматичным и утилитарным, то есть постоянно отвечающим на вопросы: «почему?» я нечто делаю и «зачем?» я нечто буду делать. В психологическом плане это означает, что сознание становится мотивационным и рефлексивным.

Ориентация на внешнюю деятельностную экспансию предполагает наличие в сознании двух базовых конструктов. Во-

первых, это утверждение свободы как идеала, не как непосредственного переживания состояния, а как сверх-ценной идеи, как абсолютной ценности. Она становится конечным мотиватором жизнедеятельности и утверждается как абсолютное право на свободу. Рефлексивное осмысление этого права на свободу означает, что единое переживание свободы дифференцируется и распадается на два вопроса (предмета): «свобода для чего» и «свобода от чего». Ответы на эти вопросы образуют Идеологию как предельную смысловую рамку жизнедеятельности, как то, ради чего стоит жить и умирать⁶. Свободное принятие или не принятие той или иной идеологии (по содержанию) составляет зону личностного выбора и ответственности индивида. Индивид, а точнее, индивидуальное сознание оказывается само-стоящим в идеологизированном мире. Кроме того отметим, что это приводит к распаду семейно-родовых и этнических идентичностей и образованию социальных групп по идеологическому признаку (субкультурных групп) и преобладанию соответствующих форм самоидентификации.

Во-вторых, принятие индивидом на себя абсолютного права на присвоение любой внешней предметности, так как весь Мир представлен сознанию либо как потенциальное средство (ресурс), либо как продукт самой деятельности. Любое средство нужно создавать (а ресурсом – овладевать, для чего, опять-таки, нужны соответствующие средства) и его нужно использовать (употреблять). Но продукты деятельности, точно так же, нужно получить (по-иметь) и их нужно потратить. Степень доступности предметов потребления, которые рассматриваются как основной ресурс жизнеобеспечения, определяет степень защищенности существования человека. Сознание становится контролирующим и организационно-управленческим.

Идея потребности (и все производные от нее: нужда, влечение, желание, мотив и т.п.) становится центральной категорией обыденного сознания и регуляторным принципом повседневного образа жизни, а предметы потребления теряют свое прямое значение и наделяются функцией символа благополучия. Успешность жизни определяется количеством накопленных предметно-материальных благ, а качество – доступностью предметов потребления и жизнеобеспечения. Причем сама деятельностная экспансия, то есть сами по себе прогресс и развитие, также является только средством удовлетворения потребностей и

⁶ Только эта форма сознания порождает и приводит к широкому распространению идеологические революции и гражданские войны, острота и беспощадность которых не зависит от конкретного содержания отстаиваемой идеологии

стремления к комфорту.

Достаточно очевидно, что идеи (идеалы) свободы и потребности являются полярными и несовместимыми, что и создает внутреннюю напряженность этой формы сознания. Этот факт хорошо был осмыслен и концептуально описан Ф.Адлером и Э.Фроммом, А.Маслоу и К.Роджерсом, А.Ф.Лосевым и М.К.Мамардашвили и многими другими. Разрешение этого противоречия лежит, на наш взгляд, в переживании чувства «достижения», переживании некоей завершенности каждого значимого акта деятельности (своеобразный жизненный гештальт), в переживании собственной жизнедеятельности как Произведения.

Завершая описание предложенной модели форм сознания, необходимо сделать еще несколько уточнений.

1. Мы пытались выявить и описать исторически различные формы сознания, а не историю общества, хотя они, безусловно, связаны между собой⁷.

2. В историческом плане корректно будет говорить о преобладающей форме сознания – в любом реальном социуме появляются и действуют индивиды с иной формой сознания (живут, что называется, не в свое время), которые создают дополнительную напряженность самого сознания и его способность к прорыву в будущее.

3. На собственно психологическом уровне, по-видимому, нельзя выявить индивида с одной единственной «чистой» формой сознания – они сосуществуют в некоторой «склейке», образуя его общую функциональную архитектонику.

4. Нам представляется, что данный принцип целесообразности исчерпал свой развивающий и эвристический потенциал. Сегодня мы отчетливо находимся в точке поиска новой целесообразности и, соответственно, возникновения новых форм сознания. С одной стороны, это экологически ориентированное сознание, а, с другой – проектное сознание. Возможно, они сольются в некоторое целостное единство, но, возможно, они станут точкой бифуркации всего цивилизационного развития.

⁷ Известный тезис К.Маркса, что «общественное бытие определяет общественное сознание», в принципе, очень верен, хотя для меня как психолога он звучит в обратной последовательности: «общественное сознание определяет общественное бытие».